

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

Максимова Н.В. «Чужая речь» как коммуникативная стратегия / Науч. ред. С.Г. Ильенко. – М.: Изд. центр РГГУ. М., 2005. – 316 с.
ISBN 5-7281-0883-0

Проблема чужой речи в современной науке является одной из самых обсуждаемых и теоретически значимых. Она находится на стыке многих отраслей знания: общей теории языка, лингвистики текста, теории коммуникации, стилистики, синтаксиса, истории русского литературного языка.

Актуальные тенденции развития в этих науках методов антропоцентрического и коммуникативного анализа получают в монографии Н.В. Максимовой особое преломление.

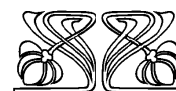
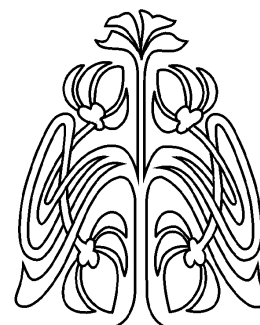
На фоне многообразных теорий чужой речи (ЧР), основанных на лексико-грамматическом, функционально-семантическом, стилистическом анализе, Н.В. Максимова разработала новый подход к ЧР, коррелирующий с существующими направлениями, но представляющий иное, чем ранее, понимание ЧР, и создала особую методику ее изучения. В основе нового подхода к ЧР – переход от изучения грамматических характеристик к коммуникативной сущности этого феномена.

ЧР предстает в работе как реализация диалогического взаимодействия «своего» и «чужого». Анализ ЧР в монографии ориентирован на современную тенденцию исследования не «речи», а «речевого поведения» и на учение о динамическом характере языковых феноменов, он опирается на идеи профессора С.Г. Ильенко и традиции возглавляемой ею Герценовской синтаксической школы, творчески преломляя научные результаты изучения сложного синтаксического целого в структуре текста (работы М.Я. Дымарского).

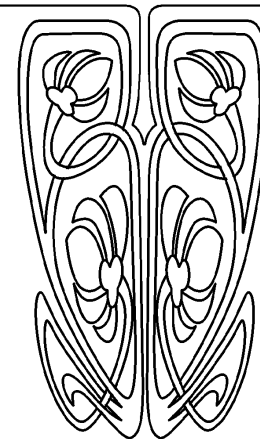
Выдвинутая автором гипотеза исследования: предположение о возможности построить целостную концепцию ЧР и проникнуть посредством описания системы коммуникативных стратегий ЧР в особенности картины мира говорящего, специфическое содержание которой составляет модель диалогического взаимодействия с Другим, – развивается последовательно и аргументированно на основе анализа огромного материала – более 4000 текстовых фрагментов, взятых из разнообразных жанров XIX–XX вв.: это и письма П.Я. Чаадаева, и философские труды В.В. Розанова, и культурологические работы Д.С. Лихачева, и эссе И. Бродского и Л. Гинзбург, и художественные тексты И.С. Тургенева, А.П. Чехова, М.М. Зощенко, Л. Петрушевской, и записные книжки С. Довлатова; и научные тексты по философии религии, стихосложению, лингвистике; и воспоминания, дневники. В этих текстах автор умеет найти цитаты, служащие выразительными аргументами в доказательстве положений работы.

Остановимся на основных особенностях научного метода автора и наиболее ценных в теоретическом отношении итогах анализа.

Основное достоинство монографии – ее целостный концептуальный характер. Феномен «чужой речи» автор подвергает тщательному многоаспектному изучению, исходя из ее диалогичности – оппозиции «свое-чужое», которая рассматривается как семантическая основа ЧР. Предметом анализа избираются формы, ранее не подвергавшиеся специальному исследованию, – текстовые формы (ТФ), характеризующиеся логико-смысловым наполнением, так называемые *тексты-ментативы*. Именно эти формы рассматриваются как основы функционирования ЧР. Их главными характеристиками, в отличие от простого употребления ЧР в тексте, являются ядерность отношений «свое» / «чужое» для целостного семантического единства, создание специфической для ТФ ЧР коммуникативной структуры, соотнесенность с одной из единиц текстообразования – главным образом, со сложным синтак-

**КРИТИКА
И
БИБЛИОГРАФИЯ**

сическим целым. Эти формы концентрируют в себе коммуникативные процессы диалогического взаимодействия. Тексты-ментативы – это тексты, опирающиеся на ментальный тип ситуации (их аналоги – «тексты-рассуждения» (О.А. Нечаева), тексты, отражающие «сентенционный тип речи» (С.Г. Ильенко) и т.д.).

Приведем примеры текстовых форм чужой речи, подвергаемых анализу:

Все нынче толкуют у нас про направление: не направление нам надобно, а правление. Грамотка без учителей не водится. Самодельных властей у нас развелось много, но лиц с настоящим значением в просвещенном слое общества пока еще не завелось (П.Я. Чаадаев. Письма).

«Поэзия – это не «лучшие слова в лучшем порядке», это – высшая форма существования языка. Чисто технически, конечно, она сводится к размещению слов с наибольшим удельным весом в наиболее эффективной и внешне неизбежной последовательности. В идеале же – это именно отрицание языком своей массы и законов тяготения, это устремление языка вверх – или в сторону – к тому началу, в котором было Слово. Во всяком случае, это – движение языка в до (над) жанровые области, т.е. в те сферы, откуда он взялся (И. Бродский. Поэт и проза).

Ахматова говорит, что Олейников пишет, как капитан Лебядкин, который, впрочем, писал превосходные стихи. Вкус Анны Андреевны имеет предметом Мандельштама, Пастернака. Обернуть уже за пределом. Она думает, что Олейников – шутка, что вообще так шутят (Л.Я. Гинзбург. Человек за письменным столом. Записи).

Интерпретация диалогизма текстов-ментативов и всех форм ЧР вообще строится на основе новой концепции соотношения языка-речи-текста и соответственно – дифференциации форм ЧР в каждой из ипостасей этой триады, между которыми автор устанавливает не иерархические, а взаимодействующие отношения.

Методологически важен и плодотворен принцип подхода автора к категории универсальности в ЧР. Глубоко проникая в реальные процессы функционирования ЧР, вычленив в них черты универсальности, Н.В. Максимова никогда не ограничивает свой научный кругозор типологически однообразным материалом, удобным для концептуальных выводов, но самое пристальное внимание обращает на те языковые, содержательные, коммуникативные явления, которые не укладываются в эти общие закономерности, показывая их своеобразие, уточняя степень жесткости закономерностей и определяя их способность служить исходным моментом дальнейших обобщений.

Показательными примерами такого подхода служат два введенные в анализ понятия системы: *полевая структура* ЧР и особый тип значений, который кладется в основу классификации коммуникативных стратегий, – *интерпретативное значение*.

Ведущим структурным принципом в организации способов передачи ЧР автором избирается не грамматическая характеристика, как это свойственно многим исследованиям, а реальная степень маркированности границ и различная степень обособленности/проницаемости «своего» и «чужого». С опорой на этот принцип автор применяет методику *полевого структурирования*, позволяющую описывать разнородные по своему лингвистическому статусу виды ЧР: ядерная зона поля рассматривается как конструкции прямой речи, по степени же маркированности границ «своего» и «чужого» выделяются ближняя (ККР) и дальняя (текстовая) периферии.

Содержательную же сторону различной степени маркированности/немаркированности, обособленности/проницаемости «своего» и «чужого» автор раскрывает посредством опоры на *особые интерпретативные типы значения*.

Природа интерпретативных значений – в незакрепленности их за определенными формами ЧР, в соотношении с тем или иным фрагментом ЧР. Они проявляют тенденции тех областей системы, где нет «одно-однозначного соответствия функция-средство» (М.Я. Дымарский). Это понятие стратегического, а не структурного типа. Поэтому их лингвистическое описание отличается от описания лексической, морфологической и синтаксической семантики.

Типовые интерпретативные значения ЧР передают способы экспликации и функции чужой речи и выступают в виде *интерпретант – прагматической, референциальной и рецептивной*. Система интерпретативных значений строится на основе динамики «своего» и «чужого» (вводящего и вводимого).

Монография обогащает теорию коммуникации новым пониманием *коммуникативной стратегии* (КС) как значимой для речевого поведения языковой личности *соотнесенности типа позиции (по отношению к чужому/Другому) и типа выражающей эту позицию текстовой формы* (ее коммуникативной структуры).

Понятие коммуникативной структуры рассматривается Н.В. Максимовой по отношению к когнитивной категории «концепция текста» (М.Я. Дымарский). Каждая из категорий – и коммуникативная стратегия, и когнитивная составляющая – имеют специфические наборы компонентов: для коммуникативной стратегии – это оппозиции («чужое-его отрицание», «чужое-его развитие» и т.д.) для концептуальной структуры – это набор компонентов, описывающих семантические первоэлементы этих бинарных типов (*субъектно-предикатные отношения: группа субъекта – группа предиката, объект* и т.д.). Коммуникативная стратегия и текстовая концепция представляют способы концептуализации действительности.

Новое понимание КС Н.В. Максимова реализует в систематизации ее разновидностей, что,

как и всякая аргументированная классификация, служит важнейшей составляющей развиваемой теории. Типология КС строится с учетом параметров репликовости/текстовости, нарративности/ментативности и инициальности/ответности, которые выступают основаниями для определения **ответного текста-ментатива**.

Автор выделяет на основе ответного текста-ментатива 5 базовых КС: *развитие, применение, отрицание, толкование, переоформление* – и 3 пограничных: *оценивание, комментирование, переопределение*.

Приведем текстовые иллюстрации некоторых моделей коммуникативных стратегий.

КС-отрицание:

Разговоры о том, что такие-то стихи плохи, потому что литературны... Но литература и есть литература, в то же время она одна из истинностей жизни.

Притом мы знаем, что литературные модели обладали в жизни человека страшной реальностью, даже смертельной. Они формировали идеал, они деформировали, они губили (Л.Я. Гинзбург. Человек за письменным столом. Записи).

КС-применение:

Говорят, что у слепых недостаток зрения вознаграждается усилением других чувств. Не от того ли и мысли зрячего делаются сильнее ночью, когда он не видит обыкновенными и должен смотреть душевными глазами? Многие предприятия обдумываются ночью. Это, может быть, не плохо не только для тайны, но и для того, что человек, в темноте, лучше размышлять может (Н.И. Тургенев – П.Я. Чаадаеву).

Варианты тактик и контаминация форм коммуникативных стратегий рассматриваются как отражение логической структуры позиции и коммуникативных предпочтений личности. В результате коммуникативная стратегия предстает как содержательная макроструктура, в которой реализуется коммуникативный способ концептуализации действительности.

В общелингвистическом плане важен вывод о том, что коммуникативная стратегия и текстовая концепция как когнитивный способ концептуализации действительности находятся в глубоком внутреннем взаимодействии, представляя соположенные, равноправные и взаимосвязанные содержательные макроструктуры, соотносительность которых служит отражением языковой картины мира личности.

Для развития предложенного направления большое значение имеет тщательная разработка автором методики анализа. В основе ее лежит особая роль сложного синтаксического целого и его отражение в матричной форме, которая образована по горизонтали коммуникативно-синтаксическими позициями тем и рем высказываний, а по вертикали – собственно рядом высказываний. Ценным является выделение параметров описания текстовых моделей: композиционного, тема-рематического и логико-смыслового, представленного медиаторами

(на поверхностном уровне – разнообразными вариантами связочных и метатекстовых средств).

Теоретическая значимость исследования Н.В. Максимовой заключается, таким образом, в развитии нового понимания коммуникативной стратегии как соотносительности типа позиции в коммуникации и ее текстовой формы, в новаторской концептуальной разработке всех форм ЧР как коммуникативной стратегии и создания модели ее анализа.

Концепция чужой речи как коммуникативно-лингвистической категории позволила осмыслить все разнообразие форм реализации отношений «свое-чужое». Благодаря выделению особого типа интерпретативных значений получила новое подтверждение и развитие идея возможности описания явлений, не имеющих типологических отношений «функция-средство».

Замечания по тексту монографии носят частный характер. Одно из них касается базовых стратегий оценки и отрицания применительно к политическому дискурсу в связи с его особой прагматической природой. В политической полемике, кроме двойки направленности – на оппонента и возможного читателя или слушателя, существует еще одна направленность – на власть, на действующие в социуме законы государства. Последняя реализуется имплицитно, в подтексте. Чаще всего базовые стратегии *оценки и отрицания* в соответствующих коммуникативных актах осложнены имплицитными компонентами критики, спора, оппозиционности и т.д., и представляется, что они должны учитываться при характеристике названных стратегий.

Ряд замечаний связан с разделом библиографии. В теоретически обобщающем исследовании читатель ожидает найти относительную исчерпанность литературы вопроса, т.е. отражение работ, не только близких автору, но и традиционных. Последние же не всегда приводятся автором. Не указаны, например, такие важные для развития точек зрения на ЧР исследования, как статья Н.Ю. Шведовой «К вопросу об общенародном и индивидуальном в языке писателя», построенная на материале несобственно-прямой речи (ВЯ, 1952, № 2), монография Н.А. Кожевниковой «Типы повествования в русской литературе XIX–XX вв.» (1994), на которую, кстати, автор неоднократно ссылается, монография Е.А. Иванчиковой «Язык художественной литературы: Синтаксическая изобразительность» (1992). Отсутствуют в списке литературы работы В.В. Виноградова, и теоретические, и посвященные языку отдельных писателей – Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Л. Толстого, Ахматовой и др. В этих работах сквозь призму отношения речи автора и персонажей в несобственно-прямой речи рассматривается эволюция языка художественной литературы и шире – литературного языка вообще, а само обращение к проблеме чужой речи, в ее субъектно-экспрессивной форме, знаменует, по справедливой оценке Г.Н. Акимовой, начало нового направления

в синтаксисе – экспрессивного синтаксиса. Все эти работы – стилистические, но в современной науке и собственно лингвистические отрасли, и теория коммуникации, как и другие сферы филологии: риторика, культура речи, теория текста, – переживают процесс интеграции со стилистикой, и это как нельзя более выразительно демонстрируется самой Н.В. Максимовой и проявляется не только в ее тонких стилистических комментариях, рассеянных по всему тексту монографии, но и в постоянном обращении к таким вопросам, как литературные традиции, способы индивидуализации коммуникативных стратегий ЧР, связь ЧР с эволюцией литературных направлений, зависимость коммуникативных стратегий от жанра, идиостиля; в использовании стилистического эксперимента и т.д. Поэтому в библиографии (а отчасти и в обзоре теорий ЧР (с. 6–21) хотелось бы видеть стилистический подход к проблеме более широким.

Значительны перспективы представленного в монографии исследования. Помимо направлений, которые намечены самим автором (уточнение типологии коммуникативной стратегии, ее жанрового компонента, применение предложенного подхода к целостному речевому поведению языковой личности и др.), нам кажутся интересными еще два пути развития идей монографии в пределах художественной речи.

Таково применение новой теории ЧР к изучению внутренней речи, роль которой особенно возрастает в модернистских текстах XX в. (В. Набоков, А. Битов, С. Соколов и др.). Система коммуникативных стратегий, разработанная автором, позволит точнее определить специфику ЧР в «потоке сознания» как приметы этого направления, характер метатекстовых структур, особую интертекстуальность.

Другая сфера, в которой может быть плодотворным использование теории и методики анализа Н.В. Максимовой, – это изучение языка поэзии, который только начинает исследоваться в аспекте диалогизма. Принципы анализа, развиваемые автором, помогут выявить специфику коммуникативных стратегий ЧР в поэтическом диалоге, с его недосказанностью, лиризмом, интеллектуальным напряжением воспринимающего субъекта.

Монография имеет широкий спектр адресатов: это исследователи разных областей гуманитарного знания (лингвистики, теории текста, философии, теории коммуникации, риторики, психолингвистики), специалисты лингвоактивных профессий (политики, журналисты, преподаватели, юристы, деятели культуры и т.д.).

Следует отметить значимость полученных автором результатов для решения прагматических задач, стоящих перед нашей наукой о русском языке и связанных с совершенствованием его роли в социальной и культурной жизни страны, повышением общей речевой культуры, задачами обучения стратегии и тактике в разных типах речевой коммуникации.

М.Б. Борисова

Зюзин А.В. Краеведческие музеи Саратовской области: библиография изданий / Ст. М.В. Провоторова; Отв. ред. Н.С. Кикалова. – Саратов: Научная книга, 2008. 120 с. (Библиография Саратовской области, вып. 18).

ISBN 978-5-9758-0707-6

Одним из направлений работы Зональной научной библиотеки им. В.А. Артисевич Саратовского госуниверситета (ЗНБ СГУ) является создание библиографических картотек и баз данных по краеведческой тематике. Роспись журналов, библиография библиографии – все это облегчает читателям информационный поиск. Данный вид деятельности библиотеки отражен в издающихся специализированных сериях, например, в серии «Библиография Саратовской области».

Выпуск серии посвящен печатным работам, которые готовят краеведческие музеи Саратовской области и которые поступили в фонд ЗНБ СГУ. Библиографические записи включают порядковый номер (как для монографических работ, так и для сборников) и библиографические описания (сборники расписаны по статьям с указанием страниц, на которых размещается публикация). Описания расположены в алфавитном порядке, серийные и продолжающиеся издания – в алфавитно-порядково-хронологическом. Все публикации просмотрены *de visu* и сверены с краеведческой картотекой ЗНБ СГУ. Учитывались издания, где было отмечено коллективное авторство музея или присутствовала ссылка на музей в выходных данных. Хронологический охват изданий – с 1912 г. по июль 2007 г. Географический – Балашов, Вольск, Саратов, Хвалынский, Энгельс. В издание не вошла роспись материалов, помещенных в Трудах Саратовской учёной архивной комиссии, так как она представлена, к сожалению, без указания страниц к статьям, в работе В.Г. Миронова «Указатель статей и заметок, опубликованных в трудах СУАК, вып. 1-33» (см. № 1430 настоящего издания).

Книга снабжена двумя вспомогательными указателями. Именной указатель содержит сведения обо всех лицах, отраженных в библиографических записях (авторы, соавторы, составители, редакторы и т. д.). Хронологический указатель включает номера изданий (монографий или сборников) по году их выхода в свет.

Автор выражает глубокую и искреннюю благодарность директору Балашовского краеведческого музея Л.П. Ивановой за переданные в фонд ЗНБ СГУ публикации музея и старшему научному сотруднику Саратовского областного музея краеведения М.В. Провоторовой за предоставление своей статьи «Краеведческие музеи Саратовской области» для настоящей работы.

Данная библиография изданий не претендует на исчерпывающую полноту, поэтому автор будет признателен всем специалистам за отзывы, замечания, уточнения, возможные дополнения и пожелания.